

Посвящается Бернис Баумгартен

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2007-м мы с моей девушкой пошли в кино смотреть последний фильм братьев Коэнов «Старикам тут не место». Кинотеатр был переполнен, однако нам удалось занять приличные места. К тому времени мы встречались уже год и знали друг друга довольно неплохо; и все-таки я понимал — она наверняка тоже, — что за такой срок трудно узнать человека достаточно близко, на каком-то глубинном уровне. Вроде бы и весело вместе, но при этом подсознательно ждешь, когда проявится истинная сущность человека и можно будет решать, стоит ли игра свеч. Я не думал об этом всерьез, когда погас свет и начался фильм, тем не менее вопрос висел в воздухе: либо переходить на новый уровень, либо прощаться. Тут на экране появились пейзажи Техаса, заговорил Томми Ли Джонс («Я был шерифом с двадцати пяти лет»). Аудитория, включая нас с Эмили, затихла.

К концу этого потрясающего фильма Томми Ли Джонс, который играл старого шерифа, си-

дит за кухонным столом с женой. Фильм плавно перетек из криминальной драмы в притчу о смерти, о фатальности, которую невозможно избежать. Смерть в той или иной форме находит каждого; ее нельзя убедить, перехитрить, запугать. Усталый Томми Ли Джонс сидит на кухне, и его усталость вполне понятна. Герой надеялся, что честность, компетентность, доброта спасет его от судьбы, настигшей многих других. Он рассказывает жене о двух снах, которые видел прошлой ночью; второй сон одновременно жуткий и навевающий смирение: законник наконец понимает, что смерть придет и за ним, как и за его отцом, и за любым другим человеком.

Пока Томми Ли Джонс пересказывал сны, я на секунду отвел взгляд от экрана, почувствовав какое-то движение. Глянув налево, я увидел мальчика лет девяти-десяти. С виду высокий, но очень худой. Медная кожа и большие глаза эфиопа создавали странное ощущение чего-то неземного, особенно в атмосфере темного кинотеатра.

Мальчик шел по проходу, вращая головой и сканируя взглядом помещение. Большие блестящие глаза следили за каждым зрителем, пока Томми Ли Джонс гремел с экрана.

Должно быть, Эмили заметила, что я отвлекся. Она чуть подалась вперед и тоже увидела

мальчика. Первым ее желанием было помочь ребенку. Как и я, она догадалась, что парень ищет в темноте свое место, где сидел, возможно, с родителями. С другой стороны, какой родитель приведет десятилетнего мальчика на фильм братьев Коэнов, особенно этот? По возрасту он казался здесь так же не к месту, как и по внешности, словно прибыл из другого мира. Я перевел взгляд на экран: Томми Ли Джонс закончил монолог, вздохнул, и его глаза увлажнились от внезапного *осознания*. В этот момент Эмили подняла левую руку, собираясь помахать мальчику, но я схватил ее за руку и вернул на подлокотник.

— Не зови его! — шепнул я.

Я знал, что она не поймет, и все же произнес эту фразу.

Эмили взглянула на меня в темноте. Наши лица были едва видны в тусклом свете экрана. Она сузила глаза и прошептала:

— Потому что он — смерть?

В ту секунду я понял, что Эмили станет моей женой.

Так зачем же я рассказываю вам эту историю?

Я всего лишь пытаюсь передать свои ощущения от первого знакомства с творчеством Ширли Джексон. В отличие от персонажей «Солнечных часов», я вырос не в просторном, немного

зловещем особняке в Новой Англии, а в многоэтажном доме в Квинсе, и в семействе Лавалей не было патриарха, чье имя мы произносили как молитву (подобно Хэллоранам на страницах этой книги). И все же, открыв «Солнечные часы», я почувствовал знакомое ощущение родства, узнавания — совсем как тогда, в кинотеатре, когда моя будущая жена прочитала мои мысли.

Роман «Солнечные часы» носит некоторые черты самых известных произведений Ширли Джексон: здесь и огромное, величественное поместье, как в «Призраке дома на холме»; и когда-то большая, но теперь осиротевшая семья, как в романе «Мы всегда жили в замке»; и даже гнетущая атмосфера ее классического рассказа «Лотерея». Так чем же выделяются «Солнечные часы»? Почему они достойны прочтения? Да потому что «Солнечные часы» смешны до колик!

Эта фраза может удивить читателя. Казалось бы, читая зловещую историю одного из величайших американских авторов, вряд ли можно ожидать приступов смеха, способных разбудить спящую жену. Маленькое уточнение: когда я говорю «смешное», я не имею в виду «легкое», «глупое» или «веселое». Юмор «Солнечных часов» заставил бы рассмеяться даже гильотину.

Роман начинается с того, что семья Хэллоран возвращается с похорон Лайонела, наследника поместья: его столкнули с лестницы. Кто

сотворил это ужасное деяние? Его собственная мать. По возвращении между вдовой Лайонела и ее десятилетней дочерью состоялся следующий разговор:

— *Может, свалится замертво на пороге,* — пробормотала молодая миссис Хэллоран, глядя вслед свекрови. — *Фэнси, милая, ты бы хотела, чтобы бабушка свалилась замертво?*

— *Да, мама,* — ответила Фэнси, одергивая длинный подол черного платья, которое бабушка заставила ее надеть.

Не подумайте, что я намерен испортить вам удовольствие, цитируя этот уморительный отрывок. Это самое начало книги! Представляю себе лукавый взгляд Джексона из-под очков в круглой оправе: дальше будет еще интереснее!

Хэллораны и их приживальщики становятся чем-то вроде секты, когда тетя Фэнни получает пророческое сообщение от давно усопшего отца: тот явился единственной дочери, чтобы предупредить о конце света. Все живущие в доме должны подготовиться: закрыть двери и окна, отрезать себя от проклятого мира. За короткое время членов семьи охватывают паранойя и теория заговора. Постепенно они и сами начинают верить в то, что их избрали наследниками Земли. Яркими красками автор иллю-

стрирует их незавидную судьбу. Исчезнет целый мир, и это все, что останется?! Острый, безжалостный взгляд Джексон не щадит никого. Еще печальнее тот факт, что в некоторых персонажах я узнаю самого себя, свои худшие черты. От отчаяния спасает лишь остроумие Джексон, ее бесстрастное обличение человеческих слабостей. Для меня крайне важен подобный опыт восприятия; когда я открыл для себя Ширли Джексон, у меня возникло ощущение, что она предугадала мои желания, мои потребности и оформила все это на бумаге еще до моего рождения. Более того, момент узнавания всегда остается глубоким, практически меняющим жизненную парадигму, независимо от того, происходит ли это в темном зале кинотеатра или на страницах книг.

Еще при жизни Ширли Джексон успела насладиться известностью и коммерческим успехом — и все же недостаточным для писателя такого масштаба. Встречаясь с читателями и писателями моего поколения, я замечаю некую общность; произнося ее имя, я словно произношу пароль — обмен понимающими взглядами, улыбками, румянец благоговения... Она является нам, только не в пророческих снах, а в своих произведениях.

Виктор Лаваль

ГЛАВА ПЕРВАЯ

После похорон все вернулись в дом, теперь уже несомненно принадлежащий миссис Хэллоран, и неловко топтались в просторном холле. Миссис Хэллоран направилась в гостиную сообщить мистеру Хэллорану, что церемония прошла без мелодрам.

— Может, свáлится замертво на пороге, — пробормотала молодая миссис Хэллоран, глядя вслед свекрови. — Фэнси, милая, ты бы хотела, чтобы бабушка свалилась замертво?

— Да, мама, — ответила Фэнси, одергивая длинный подол черного платья, которое бабушка заставила ее надеть.

Молодая миссис Хэллоран считала, что черный не подходит десятилетней девочке, да и вообще платье чересчур длинное, к тому же слишком простое и грубое для престижа семьи Хэллоран; утром у нее случился приступ астмы, словно в доказательство, однако Фэнси все равно одели в черное. Длинная юбка развлекала девочку во время похорон и в машине, и, если бы

не присутствие бабушки, день определенно выдался бы чудесный.

— Я буду молиться об этом, пока жива, — заявила молодая миссис Хэллоран, набожно складывая руки.

— Хочешь, я ее столкну? — предложила Фэнси. — Как она столкнула папу?

— Фэнси! — воскликнула мисс Огилви.

— Пусть говорит, что хочет, — возразила молодая миссис Хэллоран. — Пусть запомнит хорошенько. Фэнси, детка, повтори, что ты сказала.

— Бабушка убила папу, — послушно повторила Фэнси. — Столкнула с лестницы и убила. Это сделала бабушка, правда?

Мисс Огилви возвела глаза к потолку, однако понизила голос, как приличествует в день траура:

— Мэри-Джейн, вы извращаете ум ребенка и к тому же лишаете ее шансов на наследство...

— В этот день, — заявила молодая миссис Хэллоран, придавая мышиному личику выражение укоризненного достоинства, — я хочу, чтобы вы все до единого запомнили раз и навсегда: Фэнси стала сиротой из-за мерзкой старухи, которая не вынесла, что дом принадлежит кому-то другому! А ведь я была его женой, возлюбленной спутницей жизни!

Она часто задышала и прижала руки к груди.

— Столкнула его с лестницы, — добавила она угрюмо.

— Я твоего отца бессмертный дух*, — процитировал Эссекс, обращаясь к Фэнси.

Он зевнул и поерзал на бархатной кушетке.

— А где «похоронные пироги»?** Не собирается же старуха морить нас голодом, раз захапала все себе?

— Это неслыханно! — воскликнула молодая миссис Хэллоран. — Думать о еде, когда Лайонел еще не остыл в гробу! Фэнси!

Она протянула руку, и Фэнси неохотно подчинилась, взметнув черным подолом. Молодая миссис Хэллоран двинулась в сторону главной лестницы.

— Теперь мое место подле сироты, — сказала она через плечо. — Пусть принесут мой обед наверх, в детскую. Все равно у меня сейчас начнется приступ.

«Когда жить, если не теперь?*** — гласила надпись черными готическими буквами с капелькой позолоты над аркой окна, расположенного на лестничной площадке. Молодая миссис Хэллоран остановилась у окна и обернулась. Фэнси все еще поднималась по лестнице, путаясь в подоле юбки.

* «Гамлет», пер. А. Кронеберг (здесь и далее прим. перев.).

** «Гамлет», пер. А. Кронеберг.

*** Изречение римского философа Сенеки.